

П. К. Щебальский

Чтение из русской истории

(с исхода XVII века) Выпуск 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. К. Щебальский**
Чтение из русской истории: (с исхода XVII века) Выпуск 3 / П. К. Щебальский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 130 с.

ISBN 978-5-518-07422-4

Издание третье.

ISBN 978-5-518-07422-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

его королевскому сану. Оказалось, что это чрезвычайно трудно исполнить: Карль объявилъ наотрѣзъ, что онъ выѣхать изъ Бендеръ не намѣренъ. Ханъ посылалъ ему сказать, что такова воля султана, который, какъ бы то ни было, имѣеть право распоряжаться въ своихъ владѣнiяхъ, и предлагалъ доставить всѣ возможныя удобства для его путешествiя: подводы, деньги, конвой. Карль ничего не хотѣлъ слушать. „Дайте мнѣ 30 тысячъ человекъ конвоя до Шведской границы, говорилъ онъ: тогда я отправлюсь.“ Это значило иными словами: дайте армию въ мое распоряженiе.

Смущенный ханъ писалъ въ Константинополь, объясняя свое затрудненiе, и спрашивалъ, какъ ему поступать при этомъ видимомъ сопротивленiи со стороны Шведскаго короля, а между тѣмъ продолжалъ приглашать его къ немедленному выѣзду. Карль велѣлъ ему сказать, что если его не оставятъ въ покоѣ, то онъ станетъ стрѣлять по Туркамъ! Ханъ прекратилъ выдачу Шведамъ кормовыхъ денегъ, которыми Турцiя ихъ снабжала; но лишениа не устрашали „перваго въ свѣтѣ солдата“: онъ приказалъ перестрѣлять всѣхъ своихъ лошадей и посолить ихъ...

Такое упорство Карла ставило въ затруднительное положенiе турецкое правительство да и самого султана,—а въ государствахъ, подобныхъ Турцiи, личныя неудовольствiя государя имѣють больше влiянiя на судьбу государства, нежели политическiя соображенiя. Противъ „Сѣвернаго Александра“ было приказано, наконецъ, употребить силу.

Карль, его свита, отрядъ шведскихъ драбантовъ и мало-россiйскихъ бѣглецовъ занимали близъ Бендеръ нѣсколь-ко домовъ, составлявшихъ какъ бы лагерь, который, во время вышеописанныхъ переговоровъ, былъ приведенъ

въ оборонительное положеніе. Когда формальнымъ образомъ было объявлено Карлу повелѣніе султана — принудить его вооруженною силой къ выѣзду, онъ отвѣтилъ посланному: „очень хорошо“, и отворотился. Послѣ этого турецкія войска, числомъ до 12 тысячъ, окружили шведскую главную квартиру, но медлили атакой: несоразмѣрность силъ была такъ очевидна, что у Турокъ, такъ-сказать, не поднимались руки. Они опять послали къ королю сказать, чтобъ онъ не доводилъ ихъ до крайностей; онъ отвѣчалъ на это переговорицамъ угрозою обрѣзать имъ бороды, если они тотчасъ не уберутся.

Итакъ, ничего болѣе не оставалось какъ дѣйствовать силой. Карловы драбанты, казаки, адъютанты, секретари, повара и лакеи обратились въ солдатъ и открыли огонь по наступавшимъ. Не взирая на это сопротивленіе, которое король одушевлялъ собственнымъ примѣромъ, оно не могло, конечно, продлиться. Турки зажгли домъ, съ такимъ упорствомъ отстаиваемый; пламя скоро обхватило все зданіе, врывалось въ окна; дымъ наполнилъ покой; стѣны, потолокъ рушились то здѣсь, то тамъ; но Карлъ не думалъ сдаваться. „Пока еще не загорѣлись на насъ платья, говорилъ онъ, нѣтъ никакой опасности“.

Наконецъ, видно дѣло дошло и до платьевъ. Карлъ собралъ вокругъ себя всю свою *армію* и, ставъ впереди ея, кинулся на непріятеля. Турки перекололи нѣкоторыхъ, обезоружили и взяли другихъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и король.

Мудрено безъ улыбки читать объ этой продѣлкѣ; но современники Карла были по большей части увлечены его отчаянною отвагой (которой, конечно, нельзя отрицать), и одинъ изъ блистательнѣйшихъ людей того

времени, принцъ Морицъ Саксонскій, о которомъ мы будемъ въ послѣдствіи имѣть случай говорить, гордился, какъ однимъ изъ лучшихъ своихъ подвиговъ, подобнымъ бывшимъ съ нимъ случаемъ.

Карлъ и небольшая, еще остававшаяся при немъ свита были отправлены въ Адрианополь, близъ котораго, въ селеніи Демотикѣ, имъ было позволено на время остаться. Прошло однакоже нѣсколько мѣсяцевъ, прежде нежели Карлъ рѣшился пуститься въ путь; онъ сказывался больнымъ, не выходилъ изъ комнаты, ложился въ постель, и наконецъ выѣхалъ не ранѣе осени 1714 года, то-есть послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія изъ Швеціи и послѣ слишкомъ пятилѣтняго бесполезнаго пребыванія въ Турціи.

Возвращеніе этого государя было такъ же странно, какъ и вся его жизнь. Не взирая на то, что султанъ предложилъ ему довольно сильный конвой для охраненія его личной безопасности, онъ пустился вдвоемъ съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ, и ѣхалъ большую часть пути отъ Турецкой границы до Помераніи (принадлежавшей тогда Швеціи) верхомъ, подъ вымышленнымъ именемъ, переодѣтый, скрывая лицо свое подъ буглями огромнаго парика и подъ широкими полями нахлобученной шляпы. Единственный его спутникъ, послѣ нѣсколькихъ дней проведенныхъ на конѣ, не покидая сѣдла, упалъ замертво; по счастью, это былъ только обморокъ. Дюрингъ, — такъ звали королевскаго спутника, — умолялъ короля отдохнуть хотя немного, дать ему собраться съ силами, или взять почтовый экипажъ. Карлъ и здѣсь, какъ всегда, не измѣнилъ своему упорству и поскакалъ одинъ. Полуживой Дюрингъ, отдохнувъ нѣсколько, взялъ почтовыхъ лошадей и нагналъ его черезъ нѣсколько часовъ, но въ какомъ положеніи?...

пѣшаго, измученнаго, потому что лошадь подъ нимъ пала и онъ принужденъ былъ тащиться ночью одинъ, едва вытаскивая изъ глубокой грязи ноги свои, обутыя въ тяжелые ботфорты....

Наконецъ Карлъ и его спутникъ, измученные, полуживые, прибыли въ шведскую крѣпость Штральзундъ, въ Помераніи. Они уже не могли слѣзть съ лошадей: ихъ сняли; короля нельзя было разуть, — такъ ноги его распухли: пришлось разрѣзывать его ботфорты. Штральзундскій коммендантъ далъ ему свое бѣлье и уложилъ его въ постель: Карлъ не смыкалъ глазъ шестнадцать сутокъ!...

Большія перемѣны произошли въ положеніи воюющихъ сторонъ съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ ускакалъ съ Полтавскаго поля. Царь, ни на минуту не уклоняясь отъ главной цѣли своей — овладѣть берегомъ Балтійскаго моря, постепенно, неуклонно, систематически подвигался отъ Ладожскаго озера къ Финскому заливу, овладѣвалъ, какъ мы видѣли (вып. II гл. XX), его прибрежьемъ и шведскими областями, отдѣлявшими Россію отъ Балтійскаго моря. По договору, заключенному Царемъ съ королемъ Саксонскимъ при началѣ войны, Остзейскія провинціи должны были достаться Августу; но заняты будучи русскимъ оружіемъ, онѣ покамѣстъ находились во власти Царя, который твердо рѣшился и удержать ихъ за собою. Мы видѣли также, что Петръ убѣдилъ Датскаго короля снова приступить къ союзу противъ Швеціи, вслѣдствіе чего война и была перенесена въ Померанію. Въ 1713 году Меньшиковъ, который начальствовалъ русскою заграничною арміей, овладѣлъ важною шведскою крѣпостью Штеттинемъ, и соединенныя датско-саксонскія войска заставили защищавшаго Померанію генерала Стенбока положить ору-

жіе со всею арміею. Въ то же время Апраксинъ и М. Голицынъ утверждали русское господство въ Финляндіи и заняли столицу этой области, а въ 1714 году, какъ намъ тоже извѣстно, Царь занялъ нѣсколько пунктовъ въ Курляндіи, съ владѣтельнымъ домомъ коей онъ находился въ родственныхъ отношеніяхъ.

Между флотами воюющихъ державъ произошло въ это время серьезное столкновеніе. Галеры наши, подъ предводительствомъ самого генераль-адмирала, были заперты шведскими судами въ одной изъ бухтъ финляндскаго берега, близъ мыса Ганго-Уддъ, и рисковали быть совершенно истреблены. Апраксинъ растерялся и поспѣшилъ послать за Царемъ, который немедленно явился и далъ дѣлу совершенно иной оборотъ: онъ самъ атаковалъ Шведовъ, одержалъ надъ ними полную побѣду и взялъ въ плѣвъ ихъ адмирала Эреншильда. За эту „викторію, каковыхъ доселѣ не видали“, Царь былъ произведенъ изъ *шаутбенахтовъ въ вице-адмирала*; память ея положено ежегодно праздновать, и въ числѣ кораблей нашихъ съ тѣхъ поръ постоянно былъ одинъ, носившій имя *Гангутъ*.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Карлъ XII рѣшился наконецъ оставить Турцію. Пробравшись въ Штральзундъ, онъ немедленно написалъ шведскому сенату нѣсколько указовъ о наборѣ рекрутъ, о сборѣ денегъ, о мѣрахъ для усиленія войны. Встрепенулись и союзники и тѣснѣе обложили Штральзундъ. Крѣпость эта окружена водой и, кромѣ того, была сильно обронуена искусствомъ, такъ что взять ее было трудно. Притомъ же личное присутствіе Карла удесяттерило мужество шведскаго гарнизона. Въ самомъ дѣлѣ, отвага этого государя и твердость его духа въ опасностяхъ способны были электризовать солдатъ; гдѣ только

была опасность, тамъ непременно находился король и первый кидался въ схватку. Здѣсь кстати рассказать часто повторяемый о немъ анекдотъ. Карлъ сидѣлъ въ своей квартирѣ и диктовалъ своему секретарю; вдругъ падаетъ бомба, пробиваетъ потолокъ и съ страшнымъ трескомъ лопаются. Перо выпало изъ рукъ перепуганнаго секретаря... Замѣтивъ это, Карлъ сказалъ ему: „Что же ты не пишешь?“— „Государь, бомба“.... „Между бомбой и письмомъ нѣтъ ничего общаго. Пиши!“

Не взирая однакоже на блистательную защиту шведскаго гарнизона, Штральзундъ былъ взятъ, а Карлъ, находившійся въ немъ до послѣдней минуты, кинулся въ рыбацкую лодку, и въ бурную осеннюю пору поплылъ къ шведскимъ берегамъ, пробираясь между русскими и датскими кораблями.... Надо признаться, что Карлъ XII былъ храбрѣйшій и блистательнѣйшій офицеръ своего времени.

Впрочемъ, война въ Помераніи шла далеко не такъ успѣшно, какъ слѣдовало бы ожидать по числу находившихся тамъ войскъ. Военныя дѣйствія соединенныхъ армій рѣдко имѣютъ то единство, безъ котораго успѣхъ невозможенъ; обязываясь дѣйствовать соединенно для достиженія извѣстной цѣли, союзныя правительства обыкновенно имѣютъ свои особыя, затаенныя цѣли, которыя нерѣдко возбуждаютъ между ними недоразумѣнія и соперничество, ослабляя общее ихъ дѣйствіе. Такъ именно было и въ настоящемъ случаѣ. Каждый изъ членовъ Сѣвернаго Союза, начиная войну съ Карломъ XII, имѣлъ въ виду свою особливую цѣль (вып. II гл. XII): Петръ хотѣлъ овладѣть берегомъ моря, король Датскій желалъ округлить свои владѣнія присоединеніемъ къ нимъ Голштинскаго государства, а Августъ, не теряя изъ виду первоначальной своей цѣли—

приобрѣтенія Ливоніи въ наслѣдственное владѣніе, въ настоящее время болѣе всего думалъ о томъ, чтобъ одолѣть приверженцевъ Станислава Лещинскаго, и, конечно, не затруднился бы заключить съ королемъ Шведскимъ отдѣльный миръ, еслибъ этотъ послѣдній согласился не поддерживать Станислава. Къ несчастію и для Августа и для Польши, Петръ не обнаруживалъ готовности отступить отъ Лифляндіи, а Карлъ не думалъ отказываться отъ поддержки своего союзника, такъ что Польша, вовсе не предполагавшая участвовать въ войнѣ, ввергнута была въ междоусобіе; она страдала едва ли не болѣе тѣхъ странъ, которыя прямо участвовали въ войнѣ противъ Швеціи.

Не Карлу, а Петру суждено было прекратить въ Польшѣ междоусобіа и водворить миръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сдѣлать новый, большой шагъ къ подчиненію ея русскому вліянію. Изъ числа польскихъ вельможъ, поддерживавшихъ связи съ русскимъ дворомъ, нѣкоторые стали обращаться къ нему, умоляя, чтобъ онъ употребилъ свое вліяніе для успокоенія ихъ отечества; междоусобіе не прекратится, писали они, пока русское правительство не станетъ между королемъ и *конфедератами* (*), не удержитъ послѣднихъ и не поручится за точное исполненіе первымъ обязательствъ, данныхъ имъ относительно правъ и привилегій народа. Интересы Россіи требовали, чтобы миръ водворился въ Польшѣ, безъ чего ея силы не могли оказать никакой пользы дѣлу Сѣвернаго Союза; притомъ положеніе

(*) Польскіе законы дозволяли вооруженное сопротивленіе незаконному распоряженію правительства. Недовольные такимъ распоряженіемъ составляли союзъ или конфедерацію и назывались *конфедератами*.

посредника и поручителя за исполненіе враждующими сторонами обоюдныхъ обязательствъ есть положеніе господствующее, преобладающее, — и Петръ рѣшился приобрести оное.

По совѣту медиковъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ 1716 году въ Германію на воды; за границу же призывало его заключеніе брачнаго союза между племянницей его, Екатериною Іоанновной, и герцогомъ Мекленбургскимъ; это давало ему случай посѣтить Польшу, ближе узнать положеніе ея партій и, если нужно, войти съ ними въ сношенія. Для празднованія царевниной свадьбы онъ остановился въ Гданскѣ; а такъ какъ туда же прибыли и Августъ II и многіе изъ значительныхъ людей Польши, принадлежавшихъ къ той или другой партіи, то дѣло о *медіаціи* пошло и быстро и успѣшно. На предварительныхъ переговорахъ русскихъ министровъ съ министрами короля Августа и съ депутатами отъ конфедератовъ было постановлено: въ непродолжительномъ времени собраться сейму для всеобщаго замиренія, при чемъ послу царскаго величества быть въ качествѣ *медіатора* (то-есть посредника) и *арбитра* (то-есть рѣшителя, третейскаго судьи); а такъ какъ каждая сторона не довѣряла искренности своихъ противниковъ, то положено было дать право русскому послу въ случаѣ надобности ввести царскія войска въ Польшу, и объявить той сторонѣ, которая вздумала бы отказываться отъ благоразумныхъ условій, что онъ приступитъ къ мѣрамъ повудительнымъ.

Такого успѣха, такого огромнаго значенія, даннаго посреднику, нельзя было и ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть чрезвычайно мало проникательности, чтобы позволить чужому правительству не только вмѣшиваться, но и рѣшать внутреннія распри какой-

либо страны. Никогда еще перевѣсъ Россіи надъ Польшей не обнаруживался съ такою силой. Препровождая предварительныя условія, заключенныя въ Данцигѣ, сенату, Петръ писалъ ему между прочимъ, что „Поляки такъ себя въ волю медіаторскую обязали, что вихнуть нельзя“. Это была правда. На сеймѣ, собравшемся въ Люблинѣ, первенствующее положеніе занималъ нашъ посолъ, князь Григорій Долгоруковъ; онъ примирялъ, убѣждалъ, грозилъ, господствовалъ; онъ подписалъ (1716 г.) актъ объ условіяхъ, на которыхъ Августъ и представители Польши согласились примириться; онъ же былъ уполномоченъ и наблюдать, чтобъ эти условія исполнялись обѣими сторонами. Очень замѣчательно при этомъ, что если бѣольшая часть членовъ люблинскаго сейма выразили крайнее неудовольствіе на вступленіе русскихъ войскъ въ королевство, то въ послѣдствіи, особенно въ царствованіе императрицы Елисаветы, когда значеніе Россіи очень умалилось въ Польшѣ, люди самыхъ различныхъ политическихъ оттѣнковъ жаловались на это равнодушіе русскаго правительства къ дѣламъ Польши и ставили ему въ примѣръ политику Петра.

Замиреніе Польши грозило новыми опасностями Шведскому королю: оно развязывало руки Августу, — а Швеція была и безъ того изнурена денежными пожертвованіями и потерей людей. Въ ней было множество недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ; другіе хотя и безропотно давали свои рейхсталеры и ставили рекрутъ, но это были послѣдніе рейхсталеры и послѣдніе люди, способные къ военной службѣ; король же не хотѣлъ и слышать о примиреніи.

Нашелся, однако, человекъ довольно искусный, чтобъ убѣдить его въ необходимости мира хоть съ нѣкото-

рыми изъ его противниковъ. Это былъ нѣкто баронъ Гёрцъ, Германецъ, долго служившій Голштинскому герцогу и потомъ перешедшій въ службу Шведскаго короля, человекъ проникательный, ловкій, вкрадчивый, хитрый, неистощимый въ средствахъ къ достиженію задуманныхъ цѣлей. Достаточно сказать, что онъ успѣлъ приобрести вліяніе на упрямаго, своенравнаго Карла XII такое вліяніе, что онъ сблизилъ его съ злѣйшимъ изъ враговъ его, съ Царемъ Русскимъ!...

Впрочемъ, еслибы Карлъ былъ немного поменьше солдатъ и побольше политикъ, онъ и самъ увидѣлъ бы, что ему нѣтъ спасенія иначе какъ въ сближеніи съ Петромъ. Это былъ единственный, истинно-опасный его соперникъ; уступивъ ему земли, которыхъ возвратить уже было невозможно, король могъ отдѣлать его отъ союза, и за тѣмъ не только удержать Померанію, но можетъ-быть принудить Данію и Саксонію къ уступкамъ. Его очень занимала, между прочимъ, мысль овладѣть Норвегіей, составлявшею тогда часть Датскаго королевства: господство надъ всѣмъ Скандинавскимъ полуостровомъ было бы, конечно, достаточнымъ вознагражденіемъ за уступку береговъ Финскаго залива.

Петръ, съ своей стороны, всегда былъ радъ прекратить войну, довольствуясь сдѣланными имъ пріобрѣтеніями, и обратить всю свою дѣятельность на внутреннія преобразованія. Его связывали только обязательства съ союзниками, безъ которыхъ онъ обѣщалъ не начинать переговоровъ съ Швеціей; но эти союзники сами засылали въ Стокгольмъ съ мирными предложеніями. Петръ могъ ожидать, что онъ будетъ оставленъ ими, однимъ за другими, и приведенъ будетъ въ необходимость уступить часть своихъ завоеваній. Всѣ эти соображенія побудили его вступить въ сноше-